

- Моя задача - встретить и проводить вас. Позвольте мне хотя бы проводить вас до самого дома,
- Хьюи все еще пытался навязаться, но говорил он, глядя не на Орвицку, а на стоящих рядом Рикардо и Клароса.

Орвицка узнал, что Рикардо и Кларос - соседи, только после того, как принял приглашение Клароса проводить его. Они изначально приехали вместе.

- Мест нет, господин, - холодно опередил его Кларос и, повернувшись к Орвицке, снова улыбнулся. - Пойдемте, Мондэйл.

Орвицка не обратил внимания на этот небольшой инцидент и всю дорогу до дома весело болтал с Кларосом и остальными.

К этому времени Далиан и другие тоже уже вернулись с работы. Орвицка толкнул дверь и увидел группу мужчин, прядущих пряжу...

"Они знали, что я вернулся, эти парни сделали это нарочно", - подумал Орвицка. Однако сцена оказалась не такой уж нелепой, как он думал. Это он раньше проявлял сексизм. Серьезно работающие оборотни выглядели очень даже мужественно.

К тому же, по цвету пряжи Орвицка мог определить цвет их шерсти в волчьем обличе...

Оборотней с однотонной шерстью, как у Далиана, было немного. В основном их шерсть представляла собой смесь белого, черного и серого цветов. Только у Анки шерсть была странного окраса: черная, желтая и белая. Орвицка слышал о трехцветных кошках и собаках, но разве волки тоже бывают такими? Причем шерсть разных цветов не смешивалась, а располагалась отдельными участками примерно одинакового размера. Как он ее вычесывал? Или у него просто участки разного цвета были четко разделены и не смешивались?

В воображении Орвицки возник волк, окрас которого напоминал трехцветное мороженое с четкими границами между цветами.

Орвицке стало немного любопытно, как он выглядит в волчьем обличе.

- Нет-нет, это не только моя, тут еще Ивира и Томаса. Только желтая - моя, - Анка опустил голову, выглядя при этом даже немного закомплексованным.

- О, вот как, - кивнул Орвицка и, пройдя через гостиную, заставленную ручными прялками, поднялся наверх.

Как только Орвицка скрылся из виду, другие оборотни тут же начали подтрунивать над Анкой.

- Говорил же, бесполезно, - сказал один.

- Господин давно раскусил твою сущность, - добавил другой.

- Ха-ха-ха~~ - рассмеялся третий.

Анка закатил глаза и безразлично пожал плечами:

- Ублюдки, которые только что молчали, не имеют права меня высмеивать. По крайней мере, у меня хватило смелости попробовать.

- Не пытайся, Анка, осторожнее, а то действительно разозлишь Гасию, и он тебя вышвырнет, - предостерег его кто-то.

- Не вышвырнет, - уверенно ответил Анка. - Господин не поддался на мое соблазнение, значит, я для него не представляю угрозы.

- А если бы поддался? - раздался вопрос.

Анка лишь мельком взглянул на спросившего оборотня, опустил голову и продолжил пряхть, не развивая тему.

- "Если бы господин поддался соблазнению, то, конечно, с ним бы тоже ничего не случилось. Все просто жили бы, как нормальные оборотни".

Оборотни внизу на самом деле все понимали. Более того, они говорили это, когда Орвицка только-только поднялся наверх.

Орвицка потер подбородок и тихо спросил у стоявшего рядом Далиана:

- Я в последнее время сделал что-то не так? Что они пытаются мне сказать?

- Ничего не пытаются сказать. Они просто немного боятся, - ответил Далиан.

- Чего боятся? - не понял Орвицка.

- Боятся, что ты будешь все больше общаться с Родом Крови и станешь таким же "нормальным", как другие родичи Крови. Они не хотят мешать тебе меняться, но если ты изменишься, они смогут это принять. Даже, можно сказать, если бы ты изменился раньше, им не было бы так больно.

- Люди действительно всегда меняются. Но в некоторых вещах я не изменяюсь, это мои принципы, - твердо сказал Орвицка.

- Ты не изменишься, и я не изменяюсь, - сказал Далиан. - Кстати, что за совещание у тебя сегодня было?

Ответ был поистине искусным. Имел ли Далиан в виду, что они оба не изменятся, или что он не изменится при условии, что сначала не изменится Орвицка? Впрочем, этот вопрос не стоило обсуждать, потому что оба варианта ответа были верны.

Орвицка последовал за Далианом, сменив тему. Он немного подумал и ответил:

- Чаепитие, наверное.

"???" - На лице Далиана появилось выражение замешательства, как у бабушки. - Разве не говорили, что это может быть совещание по делу Подрывника?

- Да, но, по крайней мере, в материалах дела, предоставленных Роду Крови, не было никаких полезных улик. Люди там собрались отдельно, обсуждали дело, а нам позволили есть и пить. Так что я сегодня вечером наелся там до отвала. А вы? Что ели на ужин?

- Купили жареной курицы на пищевом заводе. Сами нажарили шкварок, испекли хлеб, пожарили рыбу и колбасу, - ответил Далиан.

- Макая в мальтозную патоку? - спросил Орвицка. Эта патока была чистой, без каких-либо добавок. От одного описания этого меню Орвицке стало дурно, но для оборотней это был пир, который никогда не надоедал.

- Угу, - подтвердил Далиан.

- А овощи?

- Э-э... В супе были. Мы приготовили овощной суп, - Далиан редко отводил взгляд от Орвицки, но сейчас явно отвел, очевидно, этот ответ заставил его почувствовать себя виноватым.

- Пойдем со мной вниз. Раз нет овощей, съешьте хотя бы фруктов, - решил Орвицка.

- Эх, хорошо, - вздохнул Далиан.

"Эти существа так любят сладкое, но почему-то не любят фрукты. Совершенно необъяснимо".

Орвицка проследил, чтобы каждый оборотень с кислой миной съел по два апельсина. Затем он посидел внизу, немного посчитал расходы. С наступлением темноты он и Далиан снова поднялись наверх.

Окно их спальни было открыто. Оборотни и родичи Крови не боялись комаров, а мухи почти исчезли после того, как подрост Один, - все они оказались в его клюве. Уже стемнело. Двое обычных воронят спали в своих гнездах, высланных соломой. Один с серебристыми глазами стоял на подоконнике и расправлял крылья навстречу ночи.

Когда Орвицка впервые увидел его таким, он подумал, что это выглядит очень величественно. Позже, посмотревшись на это и совершенно не понимая, что он делает и зачем, Орвицка просто отнес такое поведение к категории дурачества.

Погладив ворона и умывшись, Орвицка лег спать. Далиан, легший следом, не выключил свет:

- Все-таки есть какие-то зацепки? - спросил он Орвицку, видя по его лицу, что тот все еще думает об этом деле.

- Я подозреваю... что этот человек - чиновник, работающий с архивами, или, по крайней мере, тесно связан с кем-то, кто имеет доступ к архивам, - поделился Орвицка.

- Потому что он так точно устанавливает бомбы? - уточнил Далиан.

- Да. Но это легко предположить, поэтому полиция три года назад, вероятно, уже проверяла соответствующих лиц. Но Подрывника так и не нашли. Это значит, что либо этот человек занимает очень высокий пост, либо он получает информацию другими путями...

- Аааа!!! - Пронзительный женский крик внезапно разорвал ночную тишину.

И крик не прекращался, он становился все отчаяннее. Трудно было представить, что переживала женщина, издававшая такие звуки.

На этой улице больше половины домов занимали полицейские. Вскоре все они по крикам нашли нужный дом.

Орвицка и оборотни бежали быстро, но они не могли мчаться по улице с нечеловеческой скоростью, поэтому прибыли все же позже соседей с обеих сторон.

Из дома вынесли молодую женщину. Она больше не кричала, но была уже при смерти. Ее губы распухли, рот был открыт, кожа вокруг губ приобрела ярко-красный, нежный оттенок, словно обожженная плоть. Оба глаза налились кровью так сильно, что невозможно было разглядеть цвет зрачков, но страшная боль все еще заставляла ее вытягивать руки и царапать воздух вокруг.

Другая женщина, постарше, рыдала рядом:

- Бернадетт, моя бедная племянница, какая же ты глупая. Зачем ты выпила серную кислоту? Мы всегда могли найти способ сделать аборт.

Ситуация тут же прояснилась. Молодую девушку, вероятно, обманул какой-нибудь негодяй. Она познала запретный плод, но не получила достойного предложения руки и сердца. Возможно, она была последовательницей Церкви Света, которая запрещает аборты. Она не осмелилась рассказать семье, чтобы они тайно отвели ее в какую-нибудь подпольную клинику. И вот, наслушавшись где-то нелепых советов, она достала серную кислоту и выпила ее, желая убить ребенка, но вместо этого жестоко навредила себе.

Рука девушки, пытавшаяся бороться, бессильно упала. Мужчина, несший носилки, увидев это, пощупал ее пульс и равнодушно сказал:

- Она умерла.

- О! Бернадетт!!! - тетя тут же бросилась к ней, упала на колени рядом с телом девушки и зарыдала. - Глупая девочка, зачем ты так поступила? Зачем?

Любопытные все еще толпились вокруг, показывая пальцами на девушку, изредка раздавался смешок с намеком. Большинство же готовилось уходить. Некоторые сердобольные люди молились над телом девушки, другие подходили к убитой горем тете и спрашивали, не нужна ли помощь.

- Спасибо, не нужно. У м-меня есть племянники, они помогут. Все в порядке. Мы справимся, - отвечала женщина сквозь слезы.

Поспешно прибывшие полицейские тоже собирались уходить, но перед уходом инстинктивно взглянули на Орвицку и остановились. Орвицка нахмурился, погруженный в раздумья.

Этого детектива с детским лицом полицейские впервые заметили во время беспорядков - он дрался так же хорошо, как те явившиеся с неба монстры. Затем их привлекло особое отношение монстров к нему. Последующие его действия показали, что он отлично раскрывает преступления. А потом... появилась еженедельная прибавка к зарплате, и все знали, что это деньги от продажи жареной курицы, которую он организовал.

Орвицка подошел к носилкам. Мужчина, несший их, хотел его остановить, но его тут же оттеснили плотные тела полицейских. Орвицка подошел и взял упавшую на землю руку девушки. На ее запястье был отчетливый синяк, очень похожий на след от крепкого захвата большой рукой. На руке были и другие синяки и ссадины, также похожие на следы побоев.

- Бедная Бернадетт, она боролась... все время боролась... - глядя на поднятую Орвицкой руку, женщина зарыдала еще сильнее. Орвицка выпрямился, но не ушел, а подошел к ногам покойной и схватил простыню, которой она была накрыта.

Этот жест можно было назвать невежливым. Женщина тут же бросилась к нему, пытаясь остановить, и закричала:

- Что вы делаете?! Как вы смеете тревожить покой умершей?! Полиция! Где полиция?! Скорее схватите этого невежу!

Орвицка в спешке даже не надел красный мундир, на нем была лишь рубашка поверх пижамных штанов и тапочки. Его легко можно было принять за соседа.

- Я и есть полиция, - Орвицка грубо оттолкнул ее. Она упала на землю и тут же посмотрела на своих двух племянников, но обнаружила, что под взглядами по меньшей мере дюжины полицейских они не смеют вымолвить ни слова.

Женщина пронзительно закричала:

- Помогите! Сжальтесь! Мы благочестивые последователи Бога Света! Кто-то хочет осквернить тело несчастной женщины!

Ее крики действительно привлекли нескольких людей с обостренным чувством справедливости, но прежде чем они успели что-то предпринять, Орвицка уже откинул простыню с тела покойной. Под ней оказались изувеченные ноги.

- Мадам, пожалуйста, успокойтесь и объясните травмы на ногах вашей племянницы? - спросил Орвицка.

- Ей было так больно, она каталась по полу, возможно, тогда и ударилась, - пролепетала женщина.

- А такие следы тоже можно получить от удара? - На ее левой лодыжке была круговая рана шириной в сантиметр, с кровотечением, содранной кожей, местами даже с гноем. Даже неспециалист мог понять, что это след от ношения кандалов или чего-то подобного. Поэтому соседи с обостренным чувством справедливости, увидев лодыжку девушки, тут же замолчали.

Женщина, казалось, была очень удивлена и расширила глаза:

- Вы... неужели вы подозреваете меня в убийстве моей племянницы? Боже! Я действительно заперла ее, но э-это потому, что она собиралась сбежать с тем мужчиной, с... с низшей расой! - Говоря это, она почему-то взглянула на Далиана.

Хлоп! - Орвицка влепил ей пощечину.

"Низшая раса" - так жители Нортонской империи презрительно называли коренных жителей Южного континента. Это было очень грязное ругательство.

Орвицка сдержал силу удара, выбив ей всего два зуба и заставив половину лица быстро распухнуть, но, по крайней мере, не размозжил ей голову.

- Кто-нибудь знает, что происходило с этой барышней в последнее время? - спросил Орвицка у соседей. Толпа зевак снова увеличилась.

- Ее зовут Бернадетт Ульрик, - ответил один.

- Господин Ульрик умер два года назад. Через несколько месяцев после его смерти приехала госпожа Сенче, - добавил другой.

- Кажется... я не видел ее месяца два-три, - вспомнил третий.

Соседи охотно делились информацией. Через десять с лишним минут Орвицка быстро разобрался в ситуации покойной и ее тети.

Бернадетт Ульрик рано потеряла мать, два года назад умер и отец. Одинокая девушка унаследовала довольно крупное по меркам обычных людей состояние. Жители этого района были в основном последователями либеральной Церкви Белого Света, напротив находился полицейский участок, так что случаев нападения на одинокую сироту и ее угнетения не было. Поэтому, хотя она и потеряла отца, горевала и чувствовала себя одинокой, по крайней мере, ей не грозили голод и опасность.

Полтора года назад приехала Анна Сенче, назвавшаяся ее тетей. Она не сразу поселилась у нее. Сначала она просто говорила, что знает о том, что девушка осталась одна, беспокоится о ней, и время от времени приходила в гости с подарками.

Так она навещала ее четыре-пять месяцев, завоевала доверие мисс Ульрик и поселилась в ее доме. Сначала соседи часто видели их вместе. Госпожа Сенче часто водила мисс Ульрик гулять, на пикники, в оперу, на приемы, на выставки товаров и так далее.

- ...Тогда они были похожи на мать и дочь, очень близких, - сказал один из соседей.

- Госпожа Сенче сказала, что мисс Ульрик заболела, - добавил другой.

- Ее племянники приехали, сказали, что помогут, - вспомнил третий.

- Я раньше думал, что она из-за беспорядков уехала в деревню и не вернулась... - пробормотал кто-то.

Если жить день за днем, многие вещи ускользают от внимания. Но теперь, восстанавливая прошлое, соседи, наперебой рассказывая, и без подсказки Орвицки заметили неладное.

Улица Подковы, где находился полицейский участок, была очень широкой и светлой - единственной улицей в Рыбьем Хвосте, где по вечерам зажигали фонари. Дома по обеим сторонам улицы по внешнему виду не уступали хорошим домам среднего класса в районе Утун.

Хотя в первой половине прошлого года в Рыбьем Хвосте произошли беспорядки, даже в самые худшие времена они не затронули эту улицу.

Прошло всего два-три месяца, и следов беспорядков уже не было видно. Часто можно было видеть молодых леди с яркими зонтиками, прогуливающих по улице в компании подруг, иногда их сопровождали молодые джентльмены.

Соседи здесь тоже поддерживали неплохие отношения. Однако, будучи обычными жителями, они обычно держались подальше от полиции, поэтому Орвицка еще не сталкивался с тем, чтобы соседи приходили к нему в гости.

Мисс Ульрик была незамужней барышней, поэтому общение с ней требовало большей осторожности. К тому же, из-за недавних беспорядков многие и не заметили, что давно не видели эту барышню. В основном появлялась ее тетя.

Госпожа Сенче хотела что-то возразить, но ее распухшее лицо и только что выбитые зубы причиняли ей такую боль, что она не могла вымолвить ни слова.

- Мы собираемся обыскать этот дом. Для соблюдения справедливости мы просим двух джентльменов пойти с нами, - сказал Орвицка.

Толпа зашепталась. Вскоре выдвинули двух мужчин. Один был пожилой джентльмен, его седая борода была аккуратно подстрижена, глаза не затуманены, а полны спокойствия, приходящего с годами. Другой - тоже солидный джентльмен средних лет, немного полноватый, но не тучный.

Они не были праздными зеваками. По отношению к ним окружающих было видно, что они пользуются авторитетом в общине.

Орвицка, Далиан, еще двое патрульных и эти двое избранных представителей вошли в дом Ульриков.

Госпожа Сенче тут же вскочила, пытаясь их остановить. Она не могла говорить, но ее действия побудили к движению и ее двух племянников.

- Вам нельзя входить! - кричали они, сопротивляясь, но их тут же скрутили полицейские. Когда остальные вошли в дом, госпожа Сенче мгновенно обессилела, сползла на землю и задрожала.

- Посмотрите на нее, - шепнул один из зевак.

- Мисс Ульрик действительно убили, - ответил другой.

- Бедная девушка, - вздохнул третий.

- Если она действительно с кем-то... тайно встречалась, то ее следовало убить! - раздался злобный голос.

Люди шептались. Большинство сочувствовало мисс Ульрик, но несколько голосов утверждали, что женщина на носилках виновна и заслужила смерть.

- Кто-то выходит! - крикнул кто-то из толпы.

Вышел пожилой джентльмен. Его поддерживал патрульный. Лицо старика было покрыто холодным потом, губы побелели. Выйдя за дверь, он сел на каменные ступени крыльца и тяжело задышал.

Мгновение спустя, отдышавшись, он указал на госпожу Сенче:

- Вы - дьявол, мадам, вы - дьявол.

Его воспитание не позволяло ему изрыгать слишком грязные и злые ругательства, он мог лишь повторять "дьявол".

- Что вы увидели, господин Гербст? - спросил кто-то из соседей.

- Что случилось, господин Гербст? - подхватили другие.

Многие тут же начали тянуться на цыпочках вперед, толкаясь. Стена полицейских, преграждавшая им путь, отступала под напором.

Пожилой джентльмен махнул рукой. Через некоторое время он, опираясь на колени, встал, подошел к несчастной покойной и поклонился ей:

- Бог накажет грешников и воздаст невинным по справедливости.

Пожилой джентльмен снова накрыл мисс Ульрик простыней, а затем встал рядом с ней, словно рыцарь-защитник.

Примерно через полчаса вышли и остальные. Другой патрульный поддерживал полноватого джентльмена средних лет. Он выглядел лишь немного лучше пожилого джентльмена, но так же был весь в поту, а в глазах стояли слезы:

- Почему в мире существуют такие демоны?! Вы заслуживаете ада, мадам!

Что же они обнаружили?

С самого порога в доме было что-то не так - слишком чисто.

У двери стоял столик с вазой, и даже ваза на нем не сдвинулась с места. Стулья в прихожей для гостей стояли ровно вокруг стола.

Неужели в доме, где только что произошло самоубийство, где кто-то был на грани смерти, семья в спешке и панике даже не задела мебель?

Поднявшись наверх, они обнаружили, что в комнате, которая должна была принадлежать мисс Ульрик, лежала одежда госпожи Сенче. Мисс Ульрик была на полголовы выше госпожи Сенче и стройнее, а госпожа Сенче была довольно полной.

Затем Далиан сказал:

- Я заметил еще кое-что неладное. - На самом деле, он учуял это по запаху и, войдя в дом, сразу же обменялся взглядами с Орвицкой.

Они вернулись на первый этаж и открыли дверь, которая должна была вести в ванную комнату. Запаха там особого не было, но зрелище было пугающим. Рядом с унитазом на полу лежал соломенный тюфяк. К одной стене были прибиты ножные кандалы. Другая стена была испещрена счетными знаками, нанесенными кровью, - горизонтальная черта и четыре вертикальных, - а также отпечатками окровавленных ладоней.

Комната была забрызгана кровью, что указывало на то, что здесь кого-то долгое время избивали. В углу виднелась лужа густой, еще не до конца засохшей крови.

Едва взглянув на ванную комнату, пожилой джентльмен не выдержал и вышел на воздух.

Мужчина средних лет, хоть и оставался до конца, не осмеливался сделать ни шагу внутрь. Он прислонился к дверному косяку, опустив голову, боясь смотреть на ужасы комнаты, и постоянно молился, осеняя себя знамением. Когда они собрались уходить, его выдох был таким громким, словно у быка.

Все было ясно: госпожа Сенче и двое ее племянников виновны.

Уже подъехала полицейская повозка. Преступников погрузили внутрь. Когда собирались поднять тело мисс Ульрик, пожилой джентльмен внезапно окликнул Орвицку:

- Простите, господа, как вы собираетесь поступить с Бернадетт?

- Мы свяжемся с церковью, возьмем часть ее состояния и устроим ей похороны, - ответил Орвицка.

- Тогда не могли бы вы поручить это дело мне? - предложил господин Гербст. - Моя жена и невестка позаботятся о ней. Я куплю ей гроб. Она должна быть похоронена рядом со своими родителями...

- И меня посчитайте, - мужчина средних лет, вытерев пот, тоже подошел.

Подошли и некоторые другие соседи, слышавшие разговор.

<http://bllate.org/book/17916/1715842>